Оповидання.

Грыцька Чулая.

---

1. **Божый попустъ.** —
2. **Страшна кара.** — 3. **На святимъ вечори.**

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., св. д.
1901.

ПОВЕСТИ.

Графиня Ида.

1. Сокол полуостр.—
2. Стрелец Кар.—3. На светлых водах

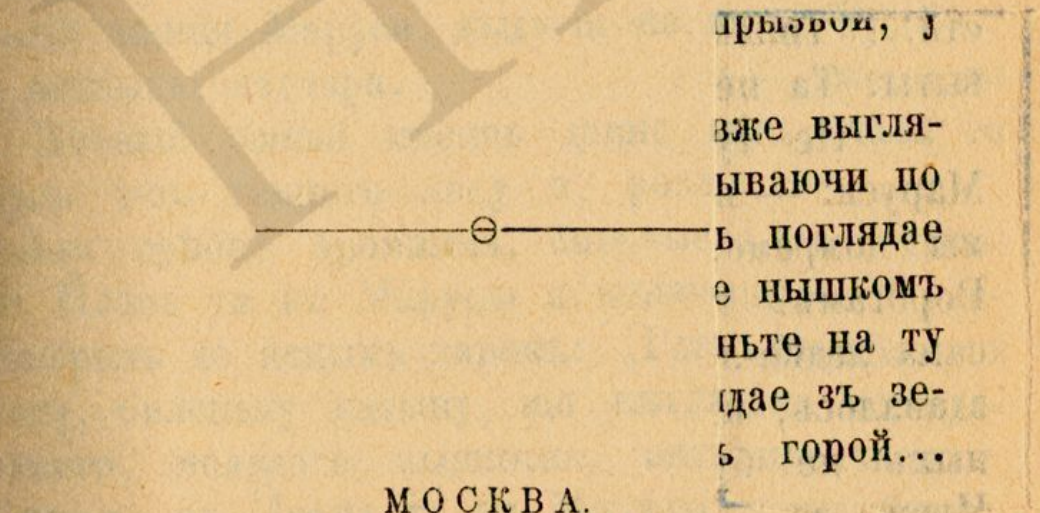
МОСКВА.
Типография Имп. Моск. Сиротск. Воспитат. Дом. 1851.

ОПОВИДАННЯ.

Грыцька Чулая.

---

1. Божый попустъ. — 2. Страшна кара. — 3. На святимъ вечори.

МОСКВА.
Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., св. д.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31 августа 1900 г.

Божый попустъ.

(оповидання).

I.

„— Ну, Марусю, въ недилю раненько у Кыивъ мы йидемо, та тамъ святому Миколаю акахтыстъ наймемо, и на часточку въ святій Лаври треба даты,—та станемо тамъ Матиръ Божу молытвамы ублагаты... Може такы Вона змылосердыться надъ нашымъ сыритствомъ“.—Такъ казавъ Иванъ Петренко своій жинци Маруси, сыдючи на прызьби, у у пятныцю звечора.

Повный ясный мисяць давно вже выглянувъ з-за темного лису и, розлываючи по земли срибне проминня, сміючысь поглядае на Йвана та на Марусю и неначе нышкомъ говорыть до ясныхъ зирокъ: „Гляньте на ту нову, биленьку хатыну, що выглядае зъ зеленого, молодого вышныка, пидъ горой... Гляньте на Йвана та на Марусю“.

Чымало рокивъ вже мынуло видъ того часу, якъ Иванъ та Маруся побралысь. Вже воны и нову хату соби збудувалы, гарну та веселу. Вже и молоденькый, вышневый садокъ розрисся биля хаты, густый та зеленый; не мынае вже ёго и соловейко: що ранку, що вечора щебече винъ сыдячы на густій вышни. И худобу завелы: дви пары круторогихъ воливъ, дви коровы,—йидна вже и зъ телятоčкомъ, — пара коней, отарка овець... А въ клуни пидъ саму покривлю понакладувани горы жыта та пшеныци. Заглянь у комору — чого тамъ немае: въ дижкахъ та въ замкахъ повнымъ-повно жыта, пшеныци, проса, вивса и гречки; а въ скрыняхъ добра всякого: добре намысто, гарна одежа, грошей карбованцивъ зъ двисти... Тилькы бъ жыты, та Бога не гнивыты. Та не такъ воно зовсимъ сталося.

— Не турбуйся, Иване! — каже, бувало Маруся: — на що намъ цее богацтво? Якъ мы помремо, кому воно тоди зистанеться? Ворогамъ? та цуръ ёму! не турбуйся! — а сама ледве-ледве здержуеться видъ слизъ. Ій здавалось, що вона сама тому вынна, що у ныхъ не було дитей, и вона боялась, що Иванъ за цее перестане ій любыты.

Прыйшла свята недиля. Сонечко рано зхопылось и весело выглянуло з-за темного лису и ясно засвитыло надъ убогимъ селомъ. Задзвонылы до церквы. Зъ усихъ кинцивъ села рядочкамы потягнулысь люде до церкви; тилькы стареньки дидки та беззуби бабки зисталыся дома зъ своимы унукамы та зъ унучкамы и, надившы свои стари кожухи та кожушанки, повыходылы зъ хатъ на двиръ та й посидалы на прызьбахъ, щебъ погритысь пидъ теплымъ сонечкомъ.

Выслухалы люде святу службу, щыро помолылысь Богу, щобъ давъ Винъ гарну годыну на жныва та косовыцю, та й порозходылысь по хатахъ. Дви жинкы, идучи изъ церквы, балакають межъ собою: „А Маруси Петренковои сёго дня и въ церкви не було...“

— Еге! Чы бачъ, яка горда,—вже и до церквы не хоче ходыты... Богата стала то й про Бога забула.

Швыдко сонечко дійшло до середыны ясного неба и, з-высока дывлячысь на землю, щыро грило старенькихъ дидкивъ та беззубыхъ бабокъ; а маленьки дитки пересыпаються на вулыци тепленькимъ писочкомъ.

По бытій дорози изъ Кыива шкандыбаютъ Иванъ та Маруся: поспишаютъ воны додому.

По бокахъ видъ ныхъ ривною стиною стоить высоке, блискуче жыто и, нагынаючи до ныхъ свои повни колоски, тыхесенько перешиптуеться зъ витромъ; а жайворинокъ десь, высоко пиднявшись у гору, пидъ небомъ щебече: хоче звеселыты Ивана та Марусю и безъ того вже веселыхъ. Верстовъ за дви видъ ныхъ бижыть блискучый Днипро и обмывае ливый пискуватый беригъ, за котрымъ зеленіють ривни та шыроки луги, а за нымы, десь далеко, сыніе темный лисъ и неначе злываеться зъ блакитнымъ небомъ. На правому берези Днипра стоять высоки горы, вкрыти столитнимиı дубамы та лыпамы. и сановыто поглядають на ёго блискучи воды, та тыхо мылуються заднипрянськимы роскишнымы лугамы. На одній гори з-за деревъ выглядае высока кытаивська дзвиныця; золотый хрестъ іи ясно блыщыть надъ лисомъ, неначе та зирка на неби въ пивничъ.

— Оце, слава Тоби, Господы, мы и въ святій Лаври побувалы, святымъ вгодныкамъ помолылысь и Царыци Небесніи... Чы повирышъ, Марусю, чогось воно неначе ажъ легше та веселище стало на души. Будемо, якъ Богъ дасть намъ здоровья, частише ходыты въ Кывъ на прощу; ато вже шисть

рокивъ швыдко мыне, якъ мы ходылы по печерахъ. Онъ декотри люде то й здалекъ кожный рикъ ходять, а мы и блызенько жывемо коло Кыива та ридко буваемо... Грихъ намъ, Марусю! Може за цее намъ Господь и дитей не дае... А що людей у тій Лаври? Сыла! сыла! Мабуть и въ Кытаиви не бувае стилькы на самаго Спаса... А Лаврська дзвиныця? Якъ станешъ биля неи та якъ подывысся вгору, то хрестъ десь ажъ пидъ небомъ неначе плыве, и здается, що дзвиныця отъ-отъ упаде и тебе задавыть... А скилькы, Марусю, треба по твоему на лаврську дзвиныцю кытаивськихъ, або нашихъ пырогивскихъ дзвиныць?

— Та я думаю, Иване, зъ чотыры,—сказала Маруся.

— И—и, куды тоби! не вберешъ!

— Ой, Иване, ходимо скорище додому, бо тамъ насъ и скотынка жде: тому треба йисты даты, того напоиты; наймычка хочъ и зисталася дома, та все жъ такы треба прыгледиты, бо чужа людына—не своя.

— Правда, моя голубко, правда!

II.

Вже два роки мынуло видъ того часу, якъ Иванъ та Маруся на прощу у Кыивъ ходылы. Вже у ныхъ и сынокъ народывся. Пишла баба ввечери до священыка по молытву, и винъ назвавъ нарожденнаго Ивасемъ; а на другій день Ивася й охрестылы. И якъ Иванъ та Маруся ради булы, — не знылы якъ и Богу дякуваты. А на хрестыны и годованого кабана не пошкодувалы. Уси сусиды на хрестынахъ гулялы, медъ-горилку попывалы. А Иванъ мовъ ажъ помолодчавъ: ушкварывъ такого тропака, що ажъ гуло; Маруся жъ, дывлячысь на Ивана, тилькы сміялась, — хотилось бы и ій потанцюваты, та поговору боялась.

Росте маленькій Ивасыкъ, а Маруся ёго и зъ рукъ не выпускае и пылынци не дае прыпасты на ёго. Прыйде, бувало, Иванъ до колыски, визьме Ивася на рукы, то це заразъ Маруся и скаже: „Ой, помаленьку, щобъ Боже бороны, ще не тее... бо воно бачъ маленьке: кисточки у ёго ще молоденьки... положы краше!“

Положыть Иванъ сынка своего въ колыску, а самъ и почне своимъ пальцемъ пама-

леньку доторкуватысь до Йвасыныхъ губокъ; отъ це, бувало, и почне Ивась ловыты батька за палець, щобъ посмоктаты; а якъ трошкы пидрисъ, то й сміятысь почавъ. А якъ прыйде ничъ, то Маруся и не засне, якъ слидъ. Ще тилькы поворухнеться Ивась, вже вона зхопыться, почне колыску колыхаты и котка спиваты:

Ой, ну, сынку, спаты, спаты.
А я буду колыхаты...
Спы, маленькый голубочокъ!
Завтра кашки наварю я
И тебе я нагодую...
Спы жъ тыхенько, янголочокъ!

Вже маленькый Ивасыкъ давно спыть, а Маруся все колыше та тыхенько спивае, щобъ—бачте—и Ивана не збудыты.

И нихто того не бачыть, якъ Маруся Ивася-голубчыка въ-пивничъ колыше, тилькы блидолыцый мисяць крадькома заглядуе черезъ викно свитлыци въ колыску, де спыть маленькый Ивасыкъ. И чого вона тоди, бувало, не передумае: передъ нею вертыться гарна та чепурна дивчына Маруся, заквичана червонымы квиткамы та зеленымъ барвинкомъ, биля теи дивчыны, чорно-

брывый, молодый парубокъ, якъ голубокъ биля голубки, прыпадае...

— „Марусю! Марусю!.. Оце-бо! такъ заснула надъ колыскою, що и не добудысся.

Прокынеться Маруся. Лыце ii розчервоніеться, якъ та роскишна калына. „Оце думае Маруся:—и справди подумае Иванъ що-небудь погане“. Швыдко прыкрые вона Ивасыне лычко тонкою хустыною, щобъ мухи не кусалы, а сама выбижыть зъ хаты и, выдоившы коривку, скаже Йванови, щобъ винъ выгнавъ скотыну до череды, а потимъ внесе оберемокъ сухихъ дровъ, щобъ затопыты въ печи, Ивасю молошнои каши зварыты, та якъ винъ прокынеться, ёго нагодуваты.

III.

Мынають дни, мынають роки и де-чого багато перевернулось въ сели: той вмеръ; тому Богъ давъ сына, або дочку; той зъ пъяныхъ очей прыбывъ до смерти ридного брата аао и батька; той вернувся зъ Московщыны; той оженывся... А що жъ то поробляютъ Иванъ та Маруся зъ своимъ

сыномъ Ивасемъ. Вже чымало рокивъ мынуло видъ того часу, якъ мы зъ нымы бачылысь. Росте Ивась; ёму й симъ рокивъ мынуло, восьмый наступывъ наступывъ. А Иванъ та Маруся ніякъ нымъ не нахваляться. Оце зберуться бувало, въ якій-небудь празничокъ, писля обидъ, чы й такъ колынебудь, ввечери, сусиды до Ивана та й почнуть балакаты: хто про мынулу войну; хто про те, що колысь було, за ихъ батькивъ хто про свою биднисть, про гирку долю, а Иванъ та Маруся про свого сына Ивася.

— О, це Ивась!.. це хазяинъ, каже бувало Иванъ: — бачъ, якъ винъ на дрывотни дровця складуе та трисочки вызбируе... щось-то воно та значиться. А що за розумный хлопецы! Мабуть и нема розумнищои дытыны на всёму сели. Отъ на що сынъ дяка вченый та письменый, то й той казавъ, що винъ розумный хлопець! Хочъ винъ ще и маленькый, а „Оче наша“ такъ промовляе, неначе велыкій: кожне слово мовъ рубае. Вже и „Богородыци“ трошкы вміе промовляты: Маруся навчыла...

— Де тамъ трошкы! вже зовсимъ промовляе, слово-въ-слово. Я вже и „Царю Не-

бесный“ почала его вчыты. Хочъ винъ ще и маленькый, ще-бъ, здается, и рано вчыты, та воно ничого... дурнищый не стане. Вже швыдко, я думаю Иване, ёго и вчытыся будемо посылаты... Ивасю! Ходыносюды... хочешъ вчытысь?

— Хочу, мамо!—сказавъ Ивась.

— И дуже хочешъ?—спытавъ ёго Иванъ.

— Дуже, тату!

— Ото козакъ! — сказала Маруся: — ну, дай же мени та татови чоломъ... ну, такъ!

— Тату! и въ церкви на крыласи буду чытаты?

— Будешъ, будешъ, сынку!

— И батюшка мени за цее проскуру дадуть?

— Дадуть, дадуть,—сказавъ Иванъ.—Ну, бижы, сынку, погуляй... Ось нехай зима прыйде,— будемо посылаты до дякового сына, щобъ винъ навчывъ его псалтырку чытаты; воно добре буде! Може колысь, Богъ дасть, хочъ почую якъ винъ буде чытаты на крыласи, а то, якъ умру, хочъ прочытае надъ головою. Будемо платыты за науку: воно трошкы и дорогенько, та що матымешъ робыты?! А тамъ, якъ выросте, оженымо. Справымо таке весилля, що ажъ вороги

будуть выбрыкуваты. Вже грошей не пожалуемо, абы тилькы дожыты та найты ёму гарну та роботящу дивчыну, щобъ не довелося ёму одружытысь зъ якоюсь ледачою, до дила непрыгожою дивчыною.

IV.

Швыдко пролетило тепле литечко. Вже й осинь мынула и земля давно вже вкрылася пуховымъ, блыскучымъ кылымомъ. Давно вже въ вышневимъ саду Ивана пересталы спиваты пташки: далеко теперъ воны, десь ажъ за моремъ; замисть ныхъ сумно гудуть сердыти витры та де-не-де голодне гайворинння закрычыть. Якась невидома сыла переносыть билый покривець земли зъ одного мисця на друге и сумно выспивуе въ комыни, мовъ просыться въ теплу хату погритысь.

Не ходыть Ивась до дякового сына вчытысь. Нышкомъ спыть винъ теперъ на шырокій лави, прыкрытый новымъ, батькивськимъ кожухомъ. Ледве-ледве дыше винъ сердешный. Серце ёго крипко кыдаеться, мовъ зъ сылою збираеться выскочить изъ

билого тила; очи ёго глыбоко позападалы; руки высхлы и, якъ трискы, лежать на схуд-лому тили. Биля Ивася сыдыть маты его Маруся, вбыта велыкимъ горемъ, и облы-вается гиркимы слизамы. Пыльно дывыться вона на Ивасыне лыченько, мовъ хоче навикы надывытыся на ёго, и нышкомъ шепоче: „Боже мій мылостывый! За що Ты мене караешъ? На що Ты мого сына, мою радисть, мою втиху видъ мене одби-раешъ? Де жъ я прыхилюся пры лыхій годыни?.. Боже мій мылостывый, Боже мій едыный!“

Поворухнувся Ивась, одкрывъ свои кала-мутни оченята и страшно подывывшысь на Марусю, мовъ зъ переляку крыкнувъ: „ай!“

— Хрыстосъ пры тоби, мій сыночку! це я... Дывыся Ивасю, мій голубе, це я, маты твоя! — сказала Маруся, облываючысь гир-кимы, горячымы слизмы.

— „А!“—вдруге та ще страшнише крык-нувъ Ивась.

— Сыночку, голубчыку, це я!.. Чого жъ ты вже и матери не пизнаешь?.. Ой, Боже мій мылостывый, вже й мене пизнае. Иване! пидійды ты, може хочъ тебе пизнае.

Пидійшовъ Иванъ, ставъ коло сына.

Не пизнавъ и ёго Ивась,—ще неначе дужче крыкнувъ: „ай!“

Подывывся Иванъ на сына своего Ивася, и покотылысь зъ червоныхъ ёго очей по горячому обличчю одна за другою блыскучи слёзы.

— Бодай ты, міи сыну, и на свитъ не родывся, якъ маешъ раньше батька та матери вмираты, — сказавъ Иванъ. — Кращебъ намъ тебе, сыну, було и не выдаты, якъ маты такъ рано тебе въ домовыну класты.

Пивничъ. Повный, блидолыцый мисяць давно вже зійшовъ и, ясно розлываючи свое проминня по срибному, пуховому кылиму, що вкрывъ землю, заглядае кризъ обмерзле викно у свитлыцю, и тилькы вже никого винъ тамъ не веселыть. Тыхо. Передъ образамы горыть лампадка, а на лави лежыть мертвый Ивась. На ёго надита нова, била сорочка зъ вышыванымъ комиромъ, котрый вышывала колысь маты, мылуючысь своимъ гарнымъ сыномъ, втишаючи свою душу щаслывыми надіямы. Витеръ страшно въ комыни выспивуе свою сумну писню, мовъ голосыть

по мертвому Ивасю. Пидъ образамы стара чернычка держыть зелену свичку и читае псалтыръ, а трошкы дали видъ неи, якъ та голубка биля пидстреляного голубеняты, прыпадае биля Ивася ёго маты. Маруся. Чорни косы ii повыбывалысь спидъ очинка и втырають лыце, вмыте гиркимы слизмы. Биля дверей, держучись за одвирокъ, стоить вбытый горемъ Иванъ и втырае рукавомъ слезы. По хати вештаються дви стари бабы.

— Дывысь, Иване! Якый паробокъ гарный, та велыкый, дывысь... отъ и ожены-лы! — сказала Маруся, та й звалылась на лаву, якъ пидрубана тополя.

— Марусю! Марусю!..—крыкнувъ Иванъ— Ой, Боже мій, Боже, защо ты сырицтвомъ насъ караешъ?!

V.

Наставъ ранокъ. На двори морозъ та завырюха така, що и не прыведы, Миты Божа! Мисяць, дывлячысь на вбоге село зъ высокого неба, збираеться десь далеко зховатыся видъ людськихъ очей и неначе загаявся заходыты, ще хоче трошкы подывытыся на

срибну землю, вбрану чудовымы срибнымы деревамы, та на Иванову хату, биля котрои зибралась чымала кучка людей, а декотри роблять домовину—хату Ивасеви.

По вулыци, дуже зажурывшысь, иде Иванъ и никого винъ не бачыть и ничого винъ не чуе. Хто „здоровъ“, або „помогайби“ скаже ёму—винъ тому ни слова, мовъ то и не до нёго. По ёго облыччю зъ червоныхъ очей котяться слёзы и замерзають на черныхъ вусахъ. Прыйшовъ винъ до священыка, ставъ биля дверей и ничого не каже.

— Ну, що, Иване, скажешь? — спытавъ священыкъ.

— До вашои мылосты, батюшынко! — сказавъ Иванъ.

— А що тамъ таке?

— Сына поховайте...

— Сына?.. Колы жъ винъ вм[illegible] чого?

— Сю ничъ... застудывся.

— А чомъ же ты до мене не [illegible] Я бъ тоби чого-небудь такого, щ[illegible] ему и помогло бъ.

— Ой, покаравъ мене Господь, п[illegible]каравъ...

— Ну, такъ не треба говорыты... Не журыся: журбою горю не поможешь, а крааще

молыся Богу. Така, выдно, Божа воля, Божый попустъ...

— Божый попустъ!—крыкнувъ Иванъ.

Тутъ задрижалы въ ёго губы и довго винъ не мигъ ничого говорыты.

— Ну, а колы жъ, Иване, будемо ховаты?..

— Та я думаю, батюшко, якъ зверне зъ пивдня.

— Ну, добре... Та гляды, Иване, щобъ, якъ я прыйду, все було готове, щобъ не прыйшлося ждаты.

— Буде все готове... Ще бъ треба батюшычко, взяты винчыкъ, корогвы та хрестъ, но души подзвоныты.

— Ну, на тоби видъ церквы ключи, понесы ихъ до дяка; винъ дасть тамъ, що тоби треба буде,—каже батюшка.

Взявъ Иванъ ключи видъ церквы, уклонывся священыкови въ-поясъ, поцилувавъ ёго въ руку та й выйшовъ изъ хаты.

Швыдко задзвонылы въ уси дзвоны по души Ивася, и витромъ скризь рознеслася по селу смутна звистка. Зъ усихъ кинцивъ села почалы зходытысь люде до Ивановои хаты: одни помогты чимъ-небудь Ивану

та Маруси, други подывытыся на мертвого Ивася.

Швыдко наставъ пивдень; а тамъ незабаромъ пара паганенькихъ коныкивъ прывезлы на саняхъ до Иваповои хаты и священыка. Въ хати сумно якось, дякъ заспивавъ „со духы праведнымы и писля того чотыры чоловика вынеслы на плечахъ домовыну и тыхо понеслы по дорози до кладовыща. Попередъ домовыны дякъ, идучи, выспивуе: „Святый Боже“, а за нымъ зъ хрестомъ иде священыкъ. За домовыною идуть люде—въ останній разъ проважають Ивася; а бидна маты голосыть, неначе не своимъ голосомъ: „Ой, сыночку мій, сыночку! та чы яжъ тебе, мій сыночку, не кохала!.. та чы я жъ тебе, мій голубе, не годувала! Ой, на щожъ ты такъ рано мене покыдаешъ! Ой, на що жъ ты такъ швыдко видъ насъ улитаешъ!..“

Пронеслы домовыну на кладовыще, спустылы ій на рушныкахъ въ глыбоку яму и засыпалы холодною землею. Помолылыся люде зъ священыкомъ за душу Ивася, а потимъ уси и порозходылысь: хто додому, а хто до Ивана, щобъ ще разъ чаркою горилки по-

мянуты душу Ивася. Нихто не зистався на кладовыщи, тилькы Маруся,—вже зовсимъ темно було,—прыбигла поголосыты на могыли свого сына Ивася.

Настала пивничъ. Витеръ страшно вые и сумно свыще мижъ хрестамы, мовъ голосыть по малому Ивасю, и застыляе свижу могылу мъягкимъ пуховымъ кылымомъ.

На сьвятимъ вечори.

(оповидання).

Бувъ послидній день пылыпивкы. Уже ниде не выдко було, щобъ хто смалывъ де кабана, якъ це було вчора й позавчора: хто хтивъ маты сало та ковбасы на сьвяткы, той вже давно впорався зъ кабаномъ и нарабывъ ковбасъ, а сало вже встыгло й просолытыся. Теперъ зиставалося ще въ загородахъ повычыщаты, та дровъ нарубаты, щобъ було чымъ топыты, якъ сьвяткы настануть. Скрызь було тыхо, и витеръ, що зранку сердыто повывавъ, затыхъ. Понадъ землею литалы били бджолы й падалы на землю, и вже не пыдіймалыся. Видъ тыхъ бджолъ билила земля, билилы дерева, бо й на дерева воны сидалы, билилы повиткы та клуни, билилы й люде, що по надвирю ходылы. Усе тоди билило, бо тоди царювала зима и вона, нибы розгнивавшысь на свои бджолы, выганяла ихъ зъ

своеи пасикы, що десь высоко вона іи мала...

Ось и люде идуть зъ церквы. Воны молылыся, щобъ Господь мылостывый, що давъ имъ пылыпивку пережыты, помигъ имъ и просьвяткуваты, въ добри та здоровьи и Новый рикъ стринуты й его щаслыво пережыты, бо Винъ одынъ знае, якый-то ще Новый рикъ буде. Ще, здаеться, вчора Новый рикъ зайшовъ, а ось уже й Риздво Хрыстове, а за нымъ и другый рикъ настане, а якый-то винъ буде, що винъ людямъ зъ собою прынесе — нихто не знае, окримъ тилькы Того, Чыс Риздво завтра настане, и Ему люды молылыся, щобъ Винъ добрый Новый рикъ имъ послявъ.

Зъ церквы иде й Прокипъ Боркунъ, ще зовсимъ молодый чоловикъ; винъ закрывся комиромъ видъ кожуха и швыдко обганявъ другыхъ людей, що йшлы попередъ его. Швыдко дійшовъ винъ до своеи хаты и биля дверей почавъ стряхаты бджолы, що насидалы на его кожухъ, на комиръ, на смушову шапку и, нибы втомывшысь, тамъ спочывалы.

— Ото якый сывый! я-бъ и не впизнала, щобъ де въ ыншому мисти тебе побачила.

Чысто, якъ дидъ старый,—сказала Приська, Прокопова жинка, побачывшы Прокопа, якъ винъ увійшовъ въ хату.

— Справди? А на якого дида я теперъ похожый?—спытавъ Прокивъ, усьмихаючысь.

— Та на Маркія бондаря. Щобъ ще брови били булы, то чысто-бъ на его бувъ погожый... Що? добрый на двори забирае?

— О, добрый! Ажъ пидъ ногамы скрыпыть, та й дорижка, слава Богу, стелеться,— сказавъ Прокипъ, оббираючы лидъ, що понамерзавъ на его вусахъ та на бороди. — Знаешъ що, Присько? Я оце, йдучы зъ церквы, нагадавъ, якъ мій покійный батько та маты завше звалы кого-небудь до себе на вечерю, що оце мае наступыты... Чы не позвать бы й намъ кого-небудь до себе?

— Якъ позваты, то й позвемо. Воно такы и годыться, щобъ хто чужый вечерявъ. Аже стари люде кажуть, що часомъ старцемъ и Самъ Господь зъявляеться... Тилькы де намъ того старця теперъ знайты? Щобъ було зарани запросыты... А сегодня старець до насъ и прыходывъ. Ото якъ жаль!

— На що намъ и старця десь ще тамъ шукаты, колы у насъ въ сели Мыкола йе. Аже винъ биднійшый и видъ старця, я ду-

маю, буде. Нема у него ни въ хати, ни биля хаты, тилькы витеръ кругомъ хаты свыще, та въ хату черезъ щелыны просыться. Позвемо его на вечерю.

— Я пакъ и байдуже!.. Справди пиды попросы Мыколу, та нехай винъ и яку дытыну зъ собою визьме. Аже жъ у него ихъ пятеро, та вси бидни безъ матери. Тяжко буты удовцемъ, а ему-то якъ жыветься зъ пятирма дитьмы, та все зъ дрибнымы! Жаль ихъ, якъ про ныхъ подумаешъ.

— Отъ спасыби тоби, моя Присю, що ты у мене така добра,—сказавъ Прокипъ и хтивъ выйты зъ хаты, щобъ иты до Мыколы.

— Куды жъ оце ты, Прокопе, розигнався такъ, безъ хлиба? Идешъ чоловика до себе въ гости зваты, та й не полюдськы: аже якъ тебе хто зве до себе въ гости, то зъ хлибомъ тебе просыты приходять, а ты жъ чомъ такъ не робышъ?

— Я пакъ и забувъ,—сказавъ Прокипъ,—спасыби, що нагадала.

— Та може бъ ты занисъ имъ ще й мняса трохы. Аже я думаю, у ныхъ и розговиться завтра не буде чымъ. Визьми но трошкы, нехай хочъ диты завтра мняса попробують. Марьянка зварыть, бо вона теперъ и матиръ

свою заступыла: вона и варытъ и мые... Бидна дытына!..

— Та й добра жъ въ тебе душа, Присько! — сказавъ Прокипъ и хтивъ поцилуваты свою Приську.

— Грихъ, грихъ сегодня. Нехай уже завтра,— сказала Приська, одхыляючысь видъ Прокопа.

Побигла Приська въ комору и швыдко вынесла звидтиль чымалый кусокъ мняса та шматокъ сала. Взявъ Прокипъ те мнясо та сало, та ще хлибъ, и выйшовъ зъ хаты. Зисталася Приська одна въ хати и почала пораться биля печы. Першый разъ на своему пережытому вику ій доведеться вечеряты въ сьвятый вечиръ у себе дома, бо вона тилькы весною ще выйшла замужъ за Прокопа. Якъ же-жъ то имъ добре, якъ же-жъ то имъ любо буде вечеряты у двохъ! Якъ же-жъ то имъ радисно буде, якъ зъ нымы ще й бидный чоловикъ буде вечеряты, а може зъ нымы буде вечеряты и Самъ Господь...

Незабаромъ вернувся и Прокипъ. Мыкола казавъ, що прыйде, и Прокипъ зъ Прыською дуже ради булы.

Наставъ сьвятый вечиръ. Скризь посьвитылы каганци, скризь вечеряють, тилькы Прокипъ та Приська ще не починалы вечеряты: воны ждутъ, не диждуться велыкого до себе гостя — Мыколы. Вже люде й повечерялы, а воны все ждуть. Вже хрещеныкы та хрещеныци й сьвяту вечерю хрещенымъ батькамъ та матирямъ почалы розносыты, а Мыколы все немае.

— Щось нема Мыколы, мабуть не прыйде, — сказала Приська.

— Еге, мабудя щось помишало прыйты, бо прыйшовъ бы... винъ же обицявъ прыйты, — сказавъ Прокипъ.

— А може винъ и зовсимъ не хтивъ прыйты.

— Чы вже-жъ мы такъ нещаслывы, що й бидны намы гнушаються... чы не питы бъ хиба въ друге его попросыты!

— Та може винъ ще прыйде, — сказавъ Прокипъ.

Колы ось рыпнулы синешни двери и въ хату ввійшовъ Мыкола.

— Здрастуйте! Зъ сьвятымъ вечеромъ, будьте здорови, — сказавъ винъ, поклавши на стилъ тры калачи въ старенькій хустынци и виддаючы Присьци билу чубату курку.

— Ой, Боже жъ мій! Не треба, не треба, — сказала Приська. — Вы жъ бидни.

— Ни, ни, возьмить, — сказавъ Мыкола, нызько вклонывшысь.

— Та визьмы вже, Присько, — сказавъ Прокипъ. — Ты жъ знаешъ, що дае бидный чоловикъ, то того не треба цуратыся, бо воно дорожше золота.

— Отъ спасыби вамъ!— сказавъ Мыкола, зитхнувшы. — Нехай васъ Богъ николы не забуде, що вы мене биднаго оце теперъ не забулы.

Взяла Приська курку, развязала ій ноги та, звязавши ій клоччямъ крыла, пустыла іи пидъ пичъ.

— А я хтивъ було оце зновъ иты зваты васъ, — сказавъ Прокипъ.

— Нехай вамъ Господь дае всего, чего вы тилькы у Него попрохаете за вашу ласку до мене, — сказавъ Мыкола. Винъ ще щось нибы хтивъ казаты, але замовкъ, бо щось у горли въ него наче здавыло.

— Мы думалы, що вы вже й не прыйдете до насъ, — сказала Приська.

— Колы жъ диты!.. Покы-то ихъ повкладавъ спаты...

— А чомъ же вы никого зъ дитей зъ собою не взялы?— спытала Приська.—Нехай бы прыйшло було котре-небудь, повечеряло бъ и воно зъ намы.

— Нехай уже сплять... — сказавъ Мыкола.

— Ну, будемо жъ вечеряты, — сказавъ Прокипъ.

Швыдко Приська запалыла воскову страстну сьвичку и поставыла ii передъ образамы, потимъ выгорнула зъ запичку жару, поклала его въ покрышку и, поверхъ того жару насыпавшы ладану та смырны, що прынесла зъ собою колысь зъ Лавры, якъ ходыла до Кыива на прощу, почала нымъ курыты по-надъ столомъ та попередъ образамы, що булы пообвишувани билыми, гарно пообшываными заполоччю, рушныкамы. Потимъ, высыпавшы той жаръ зъ покрышкы зновъ у запичокъ, вона почала зъ Прокопомъ молытыся до образивъ, а Мыкола впавъ на вколишкы и почавъ быты поклоны.

Силы вечеряты.

Передъ вечерю, якъ и скризь водыться, Прокипъ наллявъ зъ бутли, що стояла на столи, чарку горилкы и выпывъ до Мыколы, якъ до гостя—до дорогого чоловика.

— Ну, будьмо здорови, — сказавъ винъ до Мыколы. — Дай вамъ, Боже, щастя, та щобъ вы здорови булы, а померщымъ душамъ пошлы, Господы, царство небесне.

— Дай, Господы... дай, Маты Божа!—сказавъ Мыкола, и на очахъ его показалыся слезы.

— Та й перетерпилы вы, мабудь, тоди, якъ ото вы нездорови булы. Якъ згадаю, якъ вы тоди мучылысь, то ажъ на серци тяжко робыться. Памятаете, якъ ото я до васъ колысь заходывъ? Вы тоди лежалы, та молылыся Богови, щобъ Винъ на васъ смерть надиславъ...

— Ой, Боже мій! попотерпивъ я тоди мукы. Якъ бы не батюшка, то може бъ у земли и зогнывъ бы доси. Такы мукы булы, що здавалось, якъ бы хто нижъ у серце засадывъ, то лекше було бъ. Нехай батюшку Господь не оставыть, якъ воны мене не оставылы: воны для мене десь и дохтора выстаралысь. Уси тоди про мене забулы булы, сестры ридни – и ти мене тоди покынулы булы, тилькы батюшка та вы про мене тоди й не забулы... Нехай васъ Господь не забуде на симъ и на тимъ сьвити. Якъ бы вы не сказалы булы батюшци про мои мукы,

то, кажу, бувъ бы я давно уже на тимъ сьвити, а диты круглымы сиротамы позиставалыся бъ и пишлы бъ по сьвиту старцюваты, — сказавъ Мыкола и по его облыччю скотылыся дви слезыны. — Спасыби вамъ, спасыби вамъ... По викъ за васъ молытымусь... и простить мини, що я передъ вамы дуже выненъ...

— Не выннн вы передо мною, а хочь може чымъ колысь и провынылыся, то я не памятаю цего и вамъ прощаю.

— Охъ, выненъ, выненъ...

— Ну, годи про це балакаты, бо вечеря застыне. Та й не такый завтра день, щобъ про це теперъ балакаты. Молиться Богови, що Винъ пидвивъ васъ. — Ну, будьмо жъ здорови. Нехай намъ усимъ и добрымъ и злымъ добре жыветься.

— Дай Боже! — сказавъ Мыкола, тяжко зитхнувшы.

Выпывъ Прокипъ чарку горилкы, выпывъ Мыкола, выпыла й Приська всю чарку рады сьвятого вечора, бо въ нынный часъ вона зовсимъ не пыла горилкы.

Почалы вечеряты.

— Спасыби вамъ, Мыколо, що вы оце прыйшлы до насъ. Мы вамы дуже ради, мы

щаслыви... — сказала Приська, кинчаючы вечерю.

— Вы ради, вы щаслывы, а якъ бы то вы зналы, якъ то мини тяжко на серци... Якъ бы вы зналы, — сказавъ Мыкола, поклавшы свою ложку, и почавъ рукавомъ утыраты свои слезы.—Якъ бы то вы зналы...

— Що це зъ вамы сегодня сталося? — спытавъ Прокипъ. — Якесь у васъ горе лежыть на серци. Може вамъ чего треба, то вы скажить, и мы вамъ зъ велыкою охотою запоможемо.

— Запоможемо!.. Ни, моему горю нихто не запоможе, окримъ Бога одного, та Винъ теперъ зовсимъ видъ мене одвернувся, бо я гришныкъ тяжкый гришныкъ. И не сегодня мини тилькы тяжко: мини тяжко видъ того часу, якъ умеръ вашъ, Прокопе, батько, а ще тяжче мини стало видъ того часу, якъ вы, спасыби вамъ, запомоглы мини тоди, якъ я бувъ слабый, дуже мучывся, а сегодня, зъ того часу, якъ вы мене до себе позвалы на оцю вечерю, мини найтяжче стало. Бо вы добри, добри до свого ворога... Якъ бы оце бувъ жывый вашъ батько, то мини лекше було бъ. Я бъ передъ нымъ у всему признався, и мини тоди полекшало бъ, а то его

теперъ немае... Нехай надъ нымъ легко земля держыться! Добрый винъ чоловикъ бувъ, та я бувъ не добрый до его... Просты мини, Иване, просты мини, — сказавъ Мыкола, прызываючы Прокопового батька. — Дай тоби, Боже, царство небесне!— сказавъ винъ, залываючысь слизмы.—Дозвольтесъ вже зъ-за стола вставаты, — дякуваты... Богови молыты я.

— Ну, звыняйте! — сказалы Прокипъ та Приська и всталы зъ-за стола.

Прытьмомъ выбигъ зъ-за стола Мыкола и повалывся до образивъ навколишкы.

— Мій Господы! просты мини и дай мини сылы сказаты оцимъ людямъ про те, що давно уже давыть мое серце, бо воны ничого не знаютъ и дывляться на мене добрымъ и непорочнымъ окомъ и щырымъ серцемъ прыхыляються до мене — страшного свого ворога, — якось чудно винъ проговорывъ и, вдарывшы кулакомъ себе въ груды, якъ снипъ повалывся ныць до образивъ.

— Иване! Иване! Якъ бы ты жывый бувъ, та ты теперъ далеко, десь въ царстви Божому вытаешъ и не бачышъ, якъ я спокутую свій грихъ, що вчынывъ я передъ тобою. Але ось сынъ твій, диты твои, и я передъ

ными открыюся въ своему гриху. Може хочъ воны простять мини, — бо я й передъ ными выненъ, —то мини лекше стане... Якъ бы не я, то ты бъ може й доси жывый бувъ и диты бъ тобою тишылыся, — въ пивъ голоса говорывъ Мыкола, захлыпуючыс. А Прокипъ та Приська стоялы ни жыви, ни мертви и не зналы, що имъ робыты.

— Господы! дай сылы... дай сылы, — якось крыкнувъ Мыкола и, схопывшись, повалывся Прокопови въ ногы.

— Та що це зъ вамы сталося? — крыкнувъ Прокипъ. — Встаньте, встаньте! Такъ не слидъ вамъ, старому чоловикови, робыты передо мною. Встаньте рады Бога! — крыкнувъ Прокипъ и кынувся до Мыколы, щобъ его пидвесты.

— Ни, ни, не сылкуйся. Дай моій души волю... нехай вона тоби скаже, чого ій теперъ такъ тяжко. Прокопе! пожалій мою гришну душу... Якъ бы ты знавъ, — крыкнувъ Мыкола, обхвачуючы рукамы Прокопови ногы.

— Ой, Боже мій! що це тилькы діеться? Ще люде, боронь Боже, почують, позбигаються... Нате ось воды напыйтеся, то

може полекшае, — крыкнула Приська, подаючы Мыколи кухоль зъ водою и вытыраючы рукавомъ слезы, що котылыся по ій облыччю.

— Ни, ни, цего мини не треба... вода мини не поможе. А Люде якъ почуютъ, то нехай збигаються: якъ воны прослухають, що я буду говорыты, то видъ цего мини лекше стане. Я всему мырови свій грихъ розкажу... нехай уси знають. Дай, Господы, тилькы мини на те сылы. Слухай, Прокопе, що я буду казаты. Слухай и ты, Присько, та добре слухайте!

— Ну, то кажить, — сказавъ Прокипъ.

— Якъ бувъ твій батько молодымъ, ще якъ винъ паробкувавъ, — почавъ Мыкола, ставшы навколишкы, — то закохався винъ въ одну дивчыну. И я ту дивчыну кохавъ, та кохавъ, якъ никого въ сьвити такъ не кохавъ. — Я бувъ бидный, а батькы тои дивчыны булы богати, и воны тилькы посьміялыся надо мною, якъ я заславъ до ныхъ своихъ старостивъ. Пишовъ я ипсьля того въ далеку сторону, заробывъ тамъ грошенятъ, розжывся на волы и почавъ чумакуваты. Щастыло мини въ чумацьтви и я тишывся не тимъ, що гроши въ мою руку

котылыся, а тимъ, що думка въ мене молодого була таки одружытыся зъ Марыною, що тебе, Прокопе, на сьвитъ народыла. Два рокы чумакувавъ я, а потимъ продавъ свои волы та й повернувъ до дому, та тилькы не на свою радисть: бо Марына выйшла замижъ за твого батька. Запывъ я письля того: думавъ залыты горилкою свое горе. А колы бувало стринуся зъ твоимъ батькомъ, то такъ и хтивъ кынутысь на его, хтивъ его задавыты, нибы свого ворога... Чы повирышъ, Прокопе? А разъ зайшовъ я до церквы не Богови молытыся, ни: не до Бога тоди зовсимъ мини було, а щобъ хочъ глянуты на свою Марину, бо я знавъ, що вона була тоди въ церкви. Ввійшовъ въ церкву, якъ глянувъ на Марыну то й усе въ сьвити забувъ: такою тоди вона мини хорошою здалася. Стою я въ церкви та дывлюся на неи й очей своихъ зъ неи не звожу, а вона, сьвята душа, и не глянула на мене й окомъ на мене не скынула. И здавыла мое серце велыка ревнисть.

„Ни, сего не буде, — думавъ я тоди, — щобъ мій ворогъ володивъ такою красою“. А якый ворогъ, щобъ хто спытавъ тоди у мене, то я бъ и не сказавъ. Заворушылыся

люде й почалы зъ церквы, ставъ середъ вулыци, та й думаю соби: „нехай хочъ тутъ ін побачу, хочъ словомъ зъ нею перекынуся“. Стою я та отакъ думаю, колы бачу — й вона йде, сьвята та непорочна. Я до неи: „Чы пизнала?“ пытаю.—„Пизнала“, каже. А я ажъ затрусывся було. „А чы любышъ мене теперъ, якъ и перше любыла?“ — „Що ты у мене пытаешъ? чы ты хиба здуривъ?“ — каже вона.—„Ты знаешъ, що я замижна“. — „Знаю,“ якось крыкнувъ я тоди и кинувся до неи, щобъ ін поцилуваты... Чы повирышъ, Прокопе? Я хтивъ поцилуваты твою матиръ, середъ вулыци своимъ дыявольськымъ поцилункомъ я хтивъ твою матиръ опорочыты.—„Геть!“ крыкнула вона и такъ пхнула мене въ груды, що я ажъ повалывся середъ вулыци... Впавъ я та лежу, та гирко плачу, а люде йдуть биля мене зъ церквы, та зъ мене чумака сьміються. И ришывся я на зле дило, на помсту за мою неправду. И на яку помсту! Слухай, Прокопе, добре слухай...

„Пишовъ я зновъ въ далеку сторону и зъ батькомъ твоимъ, якъ слидъ, якъ съ братомъ, разпрощався, а въ серци свому я гривъ тоди страшну помсту—злу гадыну невсыпущу.

Проблукавъ я по сьвити зъ пивъ року, а потимъ зновъ повернувъ до дому. Ишовъ я до дому не тымы шляхамы, де люде ходять, а тымы, де хыжи зьвиры блукаютъ: усе ярамы та лисамы. Швыдко й до села свого я добрався и засивъ я въ чагарныку, у тому самому, що й теперъ винъ росте, щобъ пересыдиты тамъ до вечора. Наставъ вечиръ, за нымъ пивъ-ничъ, и пишовъ я лугамы та городамы до осели, Прокопе, твого батька. Я знавъ, що батько твій часто бувало ночуе въ клуни, и я було думавъ его тамъ застаты. Пидкрався я до самои клуни и якъ разъ заставъ, що батько твій спавъ въ клуни; а ворота булы зачыняни... Прокопе! слухай... Я хтивъ его заризаты, але роздумавъ и пидкравшись до воритъ, заперъ ихъ знадвору, та заразъ и пиднисъ пидъ стриху сирныка, а потимъ швыдче туды, звидкиль прыйшовъ. Що дали було, не знаю, бо я бигъ и не озырався, и довго мини сьвитыла дорогу клуня твого батька... Ты плачешъ, Прокопе, плачешъ черезъ мене... Бый же мене, Прокопе, бый въ голову, ногамы бый, якъ гадюку,—крыкнувъ Мыкола, зновъ обхвачуючы Прокопови ногы.—Бый мене, та тилькы просты мини.

— Тяжкымъ каменемъ лягаютъ ваши слова на мое серце, — сказавъ Прокипъ. — Бодай було видъ васъ ихъ и не чуты.

— Простить мини, простить, та дайте мини договорыты, бо ще не все, дай души моій волю...

— Кажить уже, кажить, колы казаты почалы, — сказавъ плачучы Прокипъ.

— Слухай же, Прокопе! Проблукавъ я по сьвиту ще рокивъ зо тры письля того, а дали й повернувъ до дому. Не думавъ я застаты, Прокопе, твого батька жывымъ, бо думка въ мене була, що винъ въ клуни и згоривъ, та ни: якась спасена душа видчыныла ему ворота въ пору и винъ выбигъ. Якъ винъ бигъ зъ клуни, на его впавъ огонь и высмалывъ ему очи, то я его слипымъ и заставъ. А маты твоя не выдержала: вона вмерла зъ переляку, тебе на сьвитъ породывшы, щобъ ты, Прокопе, выслухавъ за своихъ батькивъ мою страшну сповидь. Тоби вже четвертый рикъ тоди бувъ, якъ твій батько пишовъ черезъ мене на той сьвитъ. Я, окаяный, ще ходывъ и прощатыся зъ твоимъ батькомъ передъ его смертью; винъ тоди добрый бувъ до мене, бо винъ и не знавъ, що на той сьвитъ иде винъ черезъ

мене; винъ просывъ мене, щобъ тоби, Прокопе, бувъ я за батька, и це тяжкымъ каменемъ лягло на мое серце. И хтивъ я тоди прызнатыся ему въ своему гриху, та люде тоди мишалы мини це зробыты. Такъ я и зистався зъ велыкымъ грихомъ на души и никому про свій грихъ не прызнався, и на сповиди не прызнавався, бо боявся. Тяжко, Прокопе, на души велыкый грихъ носыты. Думавъ, якъ оженюсь, полекшае, але не полекшало: ще гиршъ наче стало. Та й жинка не довго жыла: на шостому роци, якъ побралысь, вона и вмерла. А тутъ ты вырисъ мини на мою муку. Бо ты бувъ завше до мене добрый, и це мене ще гиршъ мучыло... Теперъ ты бачышъ, Прокопе, якому ты ворогови помигъ въ биди и якого ты ворога зазвавъ до себе на вечерю, на сьвяту вечерю... Просты жъ мини, Прокопе! Я знаю, що якъ ты мини простышъ, то й батько твій мини простыть и Богъ мини простыть,— крыкнувъ Мыкола, зновъ обхвачуючы Прокопови ногы... Просты, Прокопе, просты...

— Встаньте жъ, Мыколо! Велыкый вашъ грихъ передо мною, але я вамъ прощаю и прошу васъ никому про це не казаты, бо у васъ мали диты йе: хочъ для малыхъ себе

пожалійте. Прощаю вамъ и рады празныка, що у насъ сегодня зайшовъ. Молиться тилькы Богу, щобъ и Винъ вамъ простывъ.

— Спасыби тоби... Спасыби вамъ за велыку мылость до мене, окаяного чоловика. Я чую, що мини и Богъ простывъ, бо на души моій зовсимъ легко стало, — сказавъ Мыкола, пидіймаючысь и хватаючы Прокопову руку, щобъ ій поцилуваты.

— Ни, ни, поцилуймося, — сказавъ Прокипъ, утыраючы свои слезы.

— Я не сьмію, — сказавъ Мыкола.

— Вамъ же простылы, поцилуйтеся, — сказала Приська, утыраючи слезы. — Слава Богу, що хочъ нихто не нарвався.

Вси поцилувалыся братнимъ поцилункомъ. — Богъ вамъ нехай простыть, а мы вамъ прощаемо, бо у васъ малы диты и ихъ не можемо сыротыты, — сказалы Прокипъ та Приська.

Швыдко въ синяхъ хтось затупотивъ: то йшлы два хлопци зъ вечерю.

Страшна кара.

(оповиданная).

Скинчывся литній день и палюче сонце вже сховалося десь за темнымъ лисомъ, що стоявъ недалеко видъ села; надъ лисомъ небо ще червонило, залыте проминнямъ литнёго сонця. Зъ другого краю неба вызырнувъ круглый червонный мисяць и повагомъ почавъ пидійматыся въ — гору, неначе боявся, щобъ сонце часомъ ёго не побачыло, але швыдко червоного проминня зовсимъ на неби не выдко стало и мисяць сьмилыво поплывъ по безкраёму морю, розмынаючысь зъ яснымы зиркамы, що де-не-де по небу чудово плавалы; винъ повагомъ почавъ розсыпаты свое проминня по земли и облываты нымъ чепурни хаткы невелыкого села. Въ сели все лагодылося спаты и тилькы на выгони, на горбку седило килькы дивчатъ та парубкивъ; гаряча полёва робота хочъ и

втомыла ихъ, але все такы воны зъ охотною выйшлы на горбокъ погуляты, одынъ на другого подывытыся, та любо побалакаты зъ мылымъ серцю. Все, кажу, лагодылося спаты и тилькы парубкы зъ дивчатамы на выгони гулялы, та ще де-хто лагодывся на завтра йихаты до мистечка, де мавъ буты ярмарокъ, що збирався що тыжня, у вивторокъ. Лагодывся на ярмарокъ й Иванъ Косенко; оселя ёго стояла въ кинци села, биля дорогы.

Иванъ Косенко бувъ чоловикъ трудящый и богобоязлывый и жинку соби недавно таку взявъ. Удвохъ воны трудылыся, прыдбалы соби хозяйствечко и хочъ не булы багатымы, але не булы й злыдарямы. Своихъ дитей у ныхъ не було, и завше въ ихъ хати можна було побачыты малыхъ сусидськыхъ дитей: не було своихъ, то хочъ чужымы втишалыся, Николы воны не казалы старцеви: „Богъ дасть“. якъ цее роблять други не тилькы що заможни люде, а часомъ и богатыри: николы не выходывъ винъ зъ Иванового двору безъ шматка хлиба. Ни жаденъ старець Божый не мынавъ Ивановои хаты; не одному старцеви траплялося въ ній обидаты, вечеряты, а часомъ й пидночову-

ваты. Добри люде булы Иванъ зъ Одаркою, — ничого казаты!

Отъ жъ от-цей самый Иванъ лагодывся назавтра йихаты до мистечка на ярморокъ, тоди якъ все въ сели готувалось спаты; винъ мазавъ воза, а Одарка стояла биля пёго, щобъ помогты ёму поставыты на визъ кучку зъ курмы. На двори було тыхо, и тилькы зъ-далеко лунала гарна письня:

„Ой, мисяцю, мисяченьку,
Не сьвиты никому,
Тилькы тому мыленькому,
Якъ иде до — дому.
Ой, мисяцю, мисяченьку,
И ты, зирко ясна,
«Ой, свитить вы по подвиррю,
Де дивчына красна».

— Ачъ якъ сьпиваютъ, неначе й биды не знаютъ, — сказавъ Иванъ.

— А яка жъ имъ бида? — пидхопыла Одарка: люде молоди, ще имъ и рано бидуваты.

— А хиба жъ ты не бидувала, якъ була молодою?

— Не всимъ же молодымъ и бидуваты: то вже моя була така доля... За те жъ теперъ я щаслыва.

— Чы такы жъ и щаслыва?

— А вже жъ, мій голубе! — сказала Одарка и важко зитхнула: вона згадала свого батька та свою мачуху. Згадала вона, якъ батько, бувало часто, прыйде зъ шынку и почне ій ни зъ сего, ни зъ того быты по чимъ попало; и никому було ій обороныты, бо мачуха замись того, щобъ заступытыся за неи, ще бувало, билше намовляе батька: „Бый ій сяку-таку дочку, бо вона въ тебе и линыва и неслухняна“. А батько у всёму йнявъ виры мачуси, неначе николы й не бачывъ, що вона, бувало, бьется цилый день, якъ рыба объ крыгу, и по хати и по двору-биля скотыны; а мачуси не знала, якъ и вгодыты, на яку ногу передъ нею й ступыты: и постиль для неи гарно та мняко постеле, и пичъ зе неи вытопытъ, и посуду за неи помые, гарно на мысныку поскладае,— и за це все вона николы й добраго слова видъ мачухы не почула: усе, бувало, чогось насупывшысь ходыть та на неи бубоныть. Згадала вона, якъ не разъ траплялося ій ховатыся видъ пяного батька де-небудь въ бузыни и тамъ пересыжуваты цилу ничъ ажъ до сьвиту и, залываючысь гиркымы слизмы, прохаты свою ридну матиръ, щобъ вона гля-

нула зъ того сьвита на неи-бидну сыротыну, на іи гирке жыття и щобъ взяла іи на той сьвитъ, де, кажуть, люде не знають ніякого горя. Згадала вона цее та й тяжко зитхнула.

— Просты мини, моя матинко, що я тоби докучала! — прошопотила вона.

— Ну, впорався! — сказавъ Иванъ и пидійшовъ до кучкы, де седилы куры, хтивъ іи пидняты, щобъ поставыт наы визъ.

— Постій, постій, Иване! я поможу, а то, боронь Боже, ще пидирвесся, — сказала Одарка и кынулась на помичъ своёму чоловикови.

— Оце такъ! що выгадала! — сказавъ Иванъ: — пидирвесся... Та я колысь не таку вагу пидіймавъ, якъ наймытувавъ у попа: бувало, якъ прыйде попадя зъ льнования*) то возивъ зо два зъ собою прывезе въ мишкахъ борошна, та всякого зерна, и я все на соби въ комору переносывъ. А мишкы таки здорови, пудивъ по пять, або й билшъ

*) Въ де-якыхъ селахъ попадя, а часомъ й дячыха, визьме зъ пивъ видра горилкы та й йиздыть по селу, по богатчыхъ хатахъ. Зайде въ хату, погастуе хозяинивъ горилкою, а за це хазяины ій даютъ: то борошна, то всякои пашни, то курей то гусея. Часомъ за пивъ видра горилкы назбирае возивъ зо тры всякои всячыны. Це зветься льнованнямъ.

важылы... Иды, Одарко, въ хату, засьвичуй сьвитло та готовъ вечеряты; я заразъ увійду.

Одарка пишла въ хату и заразъ зъ виконъ полывся жовтый проминъ видъ сьвитла. Трошкы згодомъ увійшовъ у хату и Йванъ.

— А ты вже й вечеряты наготувала? Ну, та й швыдка жъ ты, нивроку тоби! — сказавъ винъ.

Силы за стилъ и ще й за сьвятый хлибъ не взялыся, якъ на двори, на прызьби загавкавъ старый Рябко.

— Що воно тамъ таке?—крыкнула Одарка и выбигла на двиръ. Швыдко вбигла вона въ хату.

— Ой, выйды ты, Иване, — сказала вона: — тамъ щось таке лазыть биля воритъ — чы воно чоловикъ пяный, чы воно ынше що... я не додывылася, бо чогось злякалась.

Иванъ засьміявся.

— Злякалася? — сказавъ винъ и выйшовъ зъ хаты.

Зосталася Одарка одна въ хати та й каже сама собои, прыклавшы руку до серця:

— Ото, Господы, якъ злякалася, ажъ серце неначе розрываеться.

— Одарко! — сказавъ трошкы згодомъ Иванъ, одчыняючы хатни двери: — посьвиты — но сюды.

Швыдко взяла Одарка зъ стола каганець, що стоявъ на перекынутому до—горы дномъ глечыку, и пидійшла до дверей.

— Господы! Що це воно таке лизе? — прошопотила вона и ледви-ледви не выпустыла зъ рукъ каганця.

— Отъ бачъ, Одарко, кого ты злякалася? це старець Божый — калика, а ты подумала Богъ зна що. — Ну, пролазьте жъ дали, въ хату, — сказавъ Иванъ старцеви: — у насъ и въ хати найдеться мисце переночуваты.

— Спасы, Господы, й помилуй... Та я може бъ и тутъ, въ синяхъ, де-небудь прымостывся, — сказавъ старець — калика. — Мыръ домови цёму и тому, хто жыве въ нёму, — сказавъ винъ дали, перелазуючы въ хату черезъ поригъ.

— Спасыби вамъ, — сказала Одарка и чогось одвернулась, якъ побачыла ёго страшни очи.

— Спасыби, спасыби! — сказавъ Иванъ. — Ну, скыдайте жъ зъ себе свои торбы, та будемо вечеряты, що Богъ послявъ... Давайте я вамъ поможу скынуты ваши торбы...

— Ни, ни... я самъ, я самъ, — якось чудно проговорывъ старець, швыдко хапаючысь за свои торбы.

Скынувъ старець торбы та й поклавъ ихъ биля себе.

— Куды жъ це васъ Богъ несе?—спытавъ у него Иванъ.

Та такъ, куды очи дывляться. Лажу зъ села въ село, де тилькы хрещени люде йе.

— А це жъ вы звидкиль теперъ?

— А це зъ мистечка!

— Чого жъ це такъ? Завтра жъ такъ тамъ ярмарокъ.

— Та я знаю, що ярмарокъ, та тилькы той ярмарокъ не для мене.

— Черезъ що жъ це такъ? Мини здаеться, що ярмарокъ для кожного.

— Звисно, що для кожного, але якъ я буду ярмаркуваты, то й остатни, каличени ноги проярмаркую: перейидутъ, або пяни одтопочуть.

— Та й то правда!—сказавъ Иванъ, позыраючы на старцеви ногы. — Що жъ це зъ вашымы ногамы сталося?—спытавъ винъ трохы згодомъ у старця.

Старець трохы замявся и, якъ выдно було, зовсимъ не хотивъ казаты, але, трохы помовчавшы, почавъ:

— Бодай уже мини не казаты, а вамъ не слухаты! Колысь я, знаете, пойихавъ зъ батькомъ въ лисъ по дерево. Батько рубае и я рубаю. Колы оце те дерево, що мы рубалы, — а дерево було велыке! — якъ упаде та на мои ногы. Кынувся батько до мене, вырятувавъ мене зъ-пидъ того дерева, звалывъ якось мене на воза и, замись дерева, повизъ мене до-дому. Цилу зиму пролежавъ я на лави и вже тилькы на весну мигъ якось статы на ногы — тилькы не ходыты, а статы. А тутъ хтось наразвъ, щобъ скупалы мои ногы въ гарячому розсоли. Якъ скупалы — и той ладъ пропавъ: зъ того часу я вже билше й не стававъ на ногы, и, якъ бачыте, й доси лажу по сьвиту, бо батькы мои повмиралы, а сестра хочь и йе, такъ зять чортомъ дывыться.

— И трапыться жъ таки нещастя бидному чоловикови, — сказавъ Иванъ, пойнявшы виры тому, що розказувавъ старець — калика. Ну, будемо жъ вечеряты, тилькы якъ бы васъ до стола прымосты? — сказавъ винъ калици.

— Та мини оттутъ поставте, якъ ваша ласка, на лави, — сказавъ старець: — я й тутъ повечеряю.

Повечерялы, и старець писля вечери лигъ доли спаты, пидклавшы пидъ голову свои торбы.

— Ну, що жъ, Одарко, скилькы браты грошей зъ собою? — спытавъ Иванъ трошкы згодомъ.

— Та забирай хочь и вси шистьдесятъ: може якъ-разъ волы добри трапляться, то може купышъ, — сказала Одарка.

— А тоби жъ чого купыты, Одарко? Чы парчи на очинокъ, чы може намыста, чы чого набраты?

— Що жъ ты мини тамъ купышъ? Купы хиба намыста разочокъ... Але ни; нехай якъ пиду на прощу въ Кыивъ, то тоди вже сама соби куплю що-небудь, якъ будуть гроши, а теперъ ничого ты мини не купай, Иване!

— Ну, про мене, якъ знаешь, — сказавъ Иванъ.

Швыдко Иванъ зъ Одаркою полягалы спаты и тыхо стало въ хати. Заразъ заснулы Иванъ та Одарка, тилькы одынъ старець — калика ще не снавъ, хочъ винъ и вдававъ зъ себе, що спыть: шистьдесятъ карбованцивъ Ивановыхъ не давалы ёму спаты; але натура взяла такы свое: швыдко й винъ за-

хрипъ на всю хату такъ, що й цьвиркунивъ не чутно стало.

Нехай же воны соби сплять, а мы покы що скажемо: хто такый бувъ отой старець.

Два рокы до цёго въ одному велыкому лиси за симъ верстивъ видъ Иванового села завелыся злодіи. Не було теи ночи, щобъ въ якимъ-небудь сели не стало або коней паръ зо дви, або воливъ зъ пару; а то часомъ и комору обкрадуть. А шляхомъ и не йидь самъ у ночи: обдеруть, або й зовсимъ убъють. Загомонило про це лыхо не одно село и почало роздумуваты, якъ-бы збутысь такого несподиваного лыха. Зибралыся якось люде зъ двохъ чы трёхъ силъ и пишлы облавою, забравшы зъ собою дручкы та косы, до того лису, де завелыся злодіи. Увійшлы воны въ лисъ, дійшлы воны до одного яру и тамъ такы спій малы злодіивъ душъ изъ висимъ; похваталы ихъ голуочыкивъ, повязалы та й запровадылы куды слидъ. Швыдко писля того въ якимсь сели зъявывся старець—калика, который волочывъ за собою ноги, неначе воны въ ёго поодсыхалы. Всякый ёму дававъ; хто хлиба шматокъ, хто шматокъ

сала, а хто копійку чы й дви грошей. Никому въ голову не приходыло, що винъ бувъ зъ тихъ злодіивъ, що недавно було завелыся въ лиси, въ яру. Нихто не думавъ, що це бувъ не тилькы а що злодій, а ще й злодійськый отаманъ, та ще до того й розбійныкъ; нихто николы й не подумавъ бы, що ёго рукы недавно купалыся въ крови одного коробійныка, котрый вертався до-дому, спродавшы свій крамъ, и що въ ёго торби булы два ножи, що не одного чоловика перевелы на той свитъ. Нихто, кажу, и не подумавъ бы, якый-то зъ ёго бувъ чоловикъ и тилькы Одарчыне серце неначе це вгадало и дуже закыдалось, якъ вона побачыла цёго старця-калику у себе въ хати: воно чуло якесь лыхо та сказать не сказало.

Прокынувся удосьвита Иванъ зъ Одаркою, прокынувся й разбійныкъ и почавъ швыдко надиваты свои торбы.

— Куды жъ це вы такъ рано? — спытавъ у нёго Иванъ.

— Та оце я вчора, лежучы, надумався вдарытысь изновъ до мистечка; подамся туды: тамъ такы може краще буде.

— А вже жъ краще,—сказавъ Иванъ.— Дай же имъ, Одарко, чого-небудь на дорогу.

Одкраяла Одарка чымалый шматокъ мякого хлиба та й дала старцеви. Винъ вкынувъ той хлибъ въ тарбыну и, подякувавшы добрымъ людямъ за ихъ прывитнисть до ёго, полизъ соби зъ хаты.

— Та й чудный чоловикъ оцей старець: усе чогось за свои торбы держыться, боиться, щибъ хто чужый до ныхъ не доторкнувся... Мабуть тамъ грошей повно, або яке добро йе,—сказала Одарка.

— А що ты думаешъ!—сказавъ Иванъ:— може й йе, та боиться, щобъ хто недовидався та не вкравъ: теперъ такый сьвитъ, що й старця часомъ за гроши задушать.

— А чы ты повирышъ, Иване, чогось мини ажъ полегшало на души, якъ старця въ хати не стало.

— Чого жъ це такъ? — спытавъ у неи Йванъ.

— Та я й сама не знаю чого... тилькы винъ страшнымъ чогось мини здався. Я вчора довгенько не спала: усе ёго боялася... Чы не злый винъ, Иване, чоловикъ?

— И хочъ и злый... Мы ему ничого поганого не зробылы.

— Та воно-то такъ!

— То жъ-то бо й йе, що такъ!—сказавъ Иванъ и выйшовъ зъ Одаркою на двиръ.

— Ой, чогось мини, Иване, дуже не хочеться, щобъ ты оце йихавъ на ярмарокъ. Ты трошкы пидождавъ бы, може якъ-разъ хто йихаытме, пойихалы бъ удвохъ,— сказала Одарка, переступаючы черезъ синешный поригъ.

Швыдко запригъ Иванъ свои волы и выйихавъ зъ двору.

— Прощай, Одарко—сказавъ винъ.

— Прощай, мое серце! — сказала Одарка.—Нехай тоби Богъ помогае.

— Спасыби! — сказавъ Иванъ и поихавъ соби зъ села по дорози, що круто пидіймалася на гору.

Довго стояла Одарка за воритьмы, да все дывылася на дорогу и вже якъ невыдко стало Ивана — зачыныла ворота и пишла соби въ хату.

— Господы! чого це мини такъ тяжко стало на души? думала вона: — такъ тяжко, такъ важко, неначе я ёго въ останній разъ бачыла... Сохраны, Господы, и помылуй ёго,—прошопотила вона и сила биля стола—задумалась.

Тымъ часомъ разбійныкъ, вылизшы зъ Ивановои хаты, потягся по тій дорози, по якій поихавъ и Иванъ. Вылизшы на гору, винъ почавъ чогось прыслухатыся и навкругы озыратыся.

Невыдко никого! можна сьмилыло теперъ розправыты свои потомляни кисточкы: нихто не побачыть,—подумавъ винъ и швыдко ставъ на ногы.

— Ото колина болять, неначе вперше ставъ на ногы, — сказавъ винъ, потераючы рукамы свои колина. — Ще, чого доброго, и не встыгну до лису добратыся. Але ни; винъ йихатыме воламы... Та вже якъ до чого прыйдеться, то й тутъ якъ-небудь зъ нымъ впораюсь.

На двори почало вже развыднюватысь; мисяць почивъ вже блидниты, а зиркы, що ясно о пивъ ночи савитылы, зовсимъ кудысь поховалысь. По дорози швыдко йшовъ высокый розбійныкъ; винъ и не зоглядився, якъ передъ очыма ёго показався зеленый лисъ, звидкиль лылося згучне щебетання усякыхъ пташокъ.

— Оце добре! тутъ все такы безпешнише, бо тамъ дали стовбовый шляхъ, а винъ ныколы не дримае: на нёму завжды можна та-

кого чорта надыбаты, що й не видхрыстыс-ся,—такъ думавъ розбійныкъ, добравшысь до лису.— Отъ ще тилькы бида, — думавъ дали винъ, сившы пидъ старымъ дубомъ,—якъ часомъ зъйидеться винъ зъ якымъ-небудь чортомъ, тоди жъ дило пропало. А шкода буде втеряты шистьдесятъ карбованцивъ. Не всякый разъ йиздять по цій дорози съ такымы гришмы... Ну, будемо жъ ждаты!

Швыдко въ лиси щось заскрыпило. Розбійныкъ почавъ дывытыся въ той бикъ, де розлягався скрыпъ колисъ; очи ёго якось страшно засьвитылысь, якъ винъ побачывъ Иванови волы, а дали й самого Ивана. Иванъ седивъ на вози и щось думавъ. Уже волы поривнялыся зъ розбійныкомъ, а Иванъ усе дывыться кудысь, та про щось думае.

— Що це такъ задумалыся? — спытавъ у нёго розбійныкъ.

Здрыгнувся Иванъ и глянувъ на розбійныка.

— Ой, якъ вы мене злякалы! — сказавъ Иванъ, побачывшы передъ собою калику-розбійныка.—Якъ же вы швыдко тутъ опынылыся, — сказавъ дали винъ, зупынывшы свои волы:—я йихавъ та й то ажъ ось колы тутъ опынывся; а вы жъ...

— Та то, бачте, якъ хто до чого звычный,—перебывъ ёго калика-розбійныкъ.

— Та воно-то такъ!— сказавъ Иванъ. — А я думавъ було, що вы роздумалыся, та вдарылыся дали, на села...

— Ни, ни! вже краще до мистечка. Хотилось бы то, щобъ якъ-небудь ранище туды поспиты, то вже колы поспію. Воно-то ще й далеченько, верстивъ на десятокъ, мабутъ, ще набереться.

— А чого доброго й набереться на десятокъ... Може бъ васъ пидвезты?— спытавъ Иванъ.

— Вже я й не знаю, якъ бы и дякувавъ,—сказавъ розбійныкъ и по обличчю ёго пробигъ лукавый усьмихъ.

— Якъ же бъ вы силы на визъ? Мабутъ треба васъ видсадыты,—сказавъ Иванъ розбійныкови, злизаючы зъ воза.

— Еге! будьте ласкави... пидсадить,— сказавъ винъ, засадывшы руку въ торбу.

Злизъ Иванъ зъ воза, пидійшовъ до каликы, та й остовпивъ, глянувшы въ ёго очи.

— Господы!— подумавъ винъ:—що це за чоловикъ? Яки у нёго очи страшни, неначе въ якого звирюкы. Недурно Одарка ёго боялася. Може винъ и справди недобрый чоло-

викъ. А що якъ Одарка правду казала?— думавъ винъ, озыраючы розбійныка, якъ-то кажуть зъ нигъ до головы.

— Ой, пидсадить же мене, будьте ласкави,—сказавъ розбійныкъ, налапавшы въ торбыни свои ножи.

Иванъ уже хотивъ було ёго кынуты, але дали подумавъ:

— А що якъ оце та гришу передъ Богомъ? Ни, щобъ вже тамъ не було, а пидвезу ёго. Якъ тилькы вже до чого прыйдеться, то такы жъ може винъ мене ще й не подужае: винъ же калика — безногый, пхнуты ёго, то винъ й полетыть зъ воза, та й лушня жъ биля воза йе.

Отакъ размиркувавшы, Иванъ сказавъ розбійныкови:

— Пидлизте жъ до воза, то я васъ пидсажу.

— Отъ спасыби ваѣъ,— сказавъ розбійныкъ, и, глянувши страшеннымы очыма навкругы: пидлизъ до воза.

— Отъ тепера будемо й на визъ сидаты,— сказавъ Иванъ, обхвачуючы розбійныка попидъ рукамы, щобъ пидняты ёго та посадыты на визъ.

Якъ блыскавка, мыгнулы дви рукы розбійныкови и два гострі ножи впылыся въ бокы бидного Ивана. Повалывся Иванъ на землю, облываючысь гарячою кровью, а розбійныкъ швыдко кинувся до Ивановои кышени и, вытягшы зъ неи гроши, метнувся въ гущавыну, але, згадавшы про свои ножи, винъ зновъ вернувся до Ивана. Ненарокомъ глянувъ винъ у вичи Йвана, котри выявлялы страшни ёго муки.

— За що? за що ты мене, чоловиче, згубывъ? Я бъ тоби усе виддавъ, абы ты мини тилькы вику не збавлявъ,—сказавъ хрыпкымъ голосомъ Иванъ.

— А ось я заразъ тоби скажу, за що,—якось страшно крыкнувъ розбійныкъ, кынувшысь на Ивана.

— Не вбывай мене... Дай хочъ въ остатній разъ подывытыся на сьвитъ Божый. Дай хочъ Богу помолюся въ остатній часъ.

— На тому сьвити помолысся,—крыкнувъ розбійныкъ, поднявшы нижъ надъ нещаснымъ Иваномъ.

— Помолыся жъ хочъ ты за мене... Господы, прыймы мою душу...

— Помолюся, помолюся,—крыкнувъ душогубъ и вдарывъ ножемъ Ивана мижъ ребрамы, проты серця.

— Суды жъ... тебе... Боже...—ледви прошопотивъ Иванъ та й замовкъ, на вики замовкъ.

Орытьмомъ побигъ розбійныкъ у лисъ, обтершы ножи объ Иванову одежу. Не разъ траплялося ёму переводыты людей на той сьвитъ, але не видъ кого ще не доводылося ёму чуты такыхъ сливъ, яки почувъ винъ тилькы що видъ Ивана. Сыпивалы пташкы, а ёму здавалося, що воны вымолвлялы остатни Йвановы слова: „Суды жъ тебе, Боже!“ Бигъ винъ по лису и боявся озырнутыся, бо лисъ шумивъ, а ёму здавалося, що то Иванъ бижытъ за нымъ и шепотыть, голосно шепотыть: „Суды жъ тебе, Боже!“ Бигъ винъ, покы не впавъ и на мисци не заснувъ.

Не довго стоялы Иванови волы на мисци. Побачывшы, що нихто ихъ не держыть и не поганяе, пройшлы трошкы впередъ по дорози, а дали, звернувшы зъ дорогы, почалы скубты травыцю. Такъ попасаючысь, забрелы воны такъ, що-якъ-то кажуть—ни взадъ, ни впередъ; а куры (кучка зъ курмы зачепылася за дубове виття, та и впала—розсыпалась),—

куры спокійненько по дорози похожають, соби йисты шукають.

На ту пору йихалы два чоловикы зъ Иванового села до мистечка на ярмарокъ.

— Що воно за дыво? Глянь, Павле, аже то куры бигають по дорози?—сказавъ одынъ чоловикъ.

— А справди куры! Що воно за знакъ!.. А онъ-де й волы стоять — заплуталыся... Де жъ це ихъ хазяинъ?—сказавъ другый.

— А онъ-де лежыть край дорогы: мабуть заснувъ, пиджыдаючы кого, щобъ вкупи йихаты, бо самому жъ не безпешно йихаты цимъ лисомъ. Аже жъ памятаешъ, якъ ото колысь половылы къ цёму самому лиси розбійныкивъ? Не сподивалыся бидненьки насъ до себе въ гости: спалы спокійненько въ яру, неначе кабаны, повывертавшысь...

— Еге-ге! та винъ заризаный, — сказавъ Павло:—отъ и йидь самъ оцимъ лисомъ.— Хто жъ це такый?—спыталы воны одынъ въ другого, зупынывшы волы.

— Та це Косенко,—сказавъ Павло.

— Якый Косенко?—спытавъ Якивъ.

— Та Иванъ!

— Ото бидный страдныкъ! Перомъ ёму землё! Це прямо нещастя! То недавно най-

шлы коробійныка зъ переризанымъ горломъ, а це ще ось що... Ну, Павле, мабуть намъ сегодня не прыйдеться ярмаркуваты. Треба въ село звистыты... Знаешъ що? Я пойиду въ село звищу, а ты тутъ зистанесся биля нёго.

— Е, ни! Краще пойидемо вдвохъ, а то тутъ страшно зиставатыся самому.

Посидалы воны на воза та й пойихалы назадъ въ село.

На другый день прыйшла бумага видъ станового, щобъ поховалы Ивана. Зибралося въ лиси килькы людей; звалылы воны Иванове тило на визъ, повезлы до села и тамъ на могылкахъ поховалы. Писля похорону забралыся люде до биднои вдовы на обидъ и въ неи въ хати умовылыся на другый день йты облавою до лису, щобъ найты та покараты розбійникивъ, що заризалы Ивана.

— Охъ, люде добры! Що мини зъ того, хочъ вы и знайдете тихъ розбійныкивъ! Хиба жъ вы вернете мини мого мылого, мого дорогого Ивана?—сказала Одарка, утераючы свое мокре видъ слизъ лыченько.

Почынало вечориты. Сонце ховалося за зеленымъ лисомъ и вызырало зъ-за головъ старыхъ, столитнихъ дубивъ и щыро облывало яснымъ проминнямъ шапкы полукипкивъ. Зъ-усюды злиталыся въ лисъ всяки пташкы, неначе боялыся, щобъ темна ничъ не застыгла ихъ середъ поля. Швыдко сонця зовсимъ невыдко стало: замисць ёго трошкю згодомъ на неби показався краснощокый мисяць; винъ выглядавъ своихъ зирокъ, а воны швыдко выйшлы погуляты — подывытысь на гарного парубка. Але недовго гулялы воны по чыстому, чудовому поли: злякалыся воны темнои хмары, що сьмилыво йшла до ныхъ, и почалы ховатыся, видъ неи одна за другою, а за нымы швыдко десь сховався й гарный парубокъ.

Того самого вечора надъ дорогою въ лиси сыдивъ отой розбійныкъ, що заризавъ Ивана. Выйшовъ винъ на дорогу, чы не йтыме, або не йихатыме хто-небудь такый, щобъ можна биля нёго погриты, якъ-то кажуть. свои руки. Сивъ винъ надъ дорогою пидъ дубомъ и озырнувъ ёго кучеряве виття.

— От-тутъ, пидъ от-цимъ самымъ дубомъ, колысъ мы, — думавъ винъ: — одпочывалы: мы тоди йшлы изъ Кыива изъ прощы. У

мене тоди голова болила, и маты моя мочыла водою от-тутъ мини голову. Ще, здается, недавно цее було, а скилькы-то рокивъ мынуло видъ того часу. Я жъ тоди ще малымъ хлопямъ бувъ.

И згадавъ винъ про свои дытячи лита. Згадавъ, якъ, часто бувало, батько ёго старый бывъ ёго пугою, якъ винъ часомъ що де вкраде та прынесе до-дому; якъ стара маты ёго часто облывалася слизмы, якъ винъ почне ии, бувало, перекрывляты.

— И де ты такый на лыхо намъ узявся? Чы мы тебе не доброму вчымо, що ты насъ не слухаешъ, та ще надъ намы й глузуешъ? Бида намъ, сыну, изъ тобою! Краще бъ ты бувъ и на сьвитъ не родывся, — бувало каже вона ёму.

Згадавъ винъ, якъ батько ёго, взявшы ёго за руку, веде, бувало, до церквы, сылуе молытыся Богови и, прыйшовшы до-дому, бувало, каже:

— Ты чувъ, сыну, якъ у церкви чытають: смерть гришныкивъ люта.

Здрыгнувся розбійныкъ, якъ згадавъ винъ оци батькови слова и тяжко зитхнувъ.

— Простить мини, тату й мамо! Може вы черезъ мене пишлы и на той сьвитъ, —

прошопотивъ винъ и зновъ задумався. Згадавъ винъ, якъ бувало часто, піймавшы якунебудь пташку, та обскубшы ій усе пирья, втишявся, дывлячысь на іи страшни мукы, на іи смерть. А ось изновъ передъ нымъ ёго маты, а за нею й батько, тилькы воны уже ёго не бьють и не лають, а тилькы кажуть:

— Сыну! послухайся насъ на мылость Божу. Мы жъ тоби добра зычымо. Доходь, доходь до розуму... ты жъ уже й немаленькый, швыдко пятнадцять рокивъ тоби мыне, а ты ще таке вытворяешъ, що й передъ людьмы стыдно казаты, а передъ Богомъ — й подуматы. Гляды, сыну, Богъ не терпыть гришныкивъ.

— От-такъ сыдивъ розбійныкъ та передумувавъ про свое мынуле жыття, ажъ покы не закрывъ очей и не заснувъ пидъ дубомъ; але сонъ ёго бувъ сонъ неспокійный, сонъ грышныка, котрого мучыла совисть, за которымъ скризь вона ходыть, якъ тая тинь. Заснувъ винъ и ёму здаеться, що винъ не спыть. И чуе винъ, десь далеко неначе загуркотилы колеса и винъ нибы-то, зхопывшысь, почавъ прыдывлятысь у той бикъ, звидкиль нисся до него гуркитъ; але ничого

тамъ невыдко було. Замись воза побачывъ винъ тамъ того парубка, що колысь винъ пхнувъ ёго въ ополонку за Оксану, що винъ колысь кохавъ ій. Винъ знавъ, що Оксана ёго не любыла, а любыла того парубка, и винъ пхнувъ ёго въ ополонку; и нихто того не чувъ, якъ бывся нещасный парубокъ головою объ тверду крыгу, тилькы душогубъ радивъ и думавъ: Теперъ Оксана буде моя. Ій коханого не стало". Але не помоглось. Зажурылась Оксана за своимъ мылымъ и, дуже занедужавшы, швыдко Богови й душу виддала. Дали побачывъ розбійныкъ й Оксану, котра здавалась ёму ще кращою, нижъ перше была; вона обняла свого коханого и горяче почало ёго цилуваты въ ёго очи, лобъ и вуста и прыговорюваты: „Серце мое! насъ хотивъ розлучыты отой шыбеныкъ, що онъ, бачышъ, стоить пидъ дубомъ". И розбійныкови здалося, що Оксана показала на него рукою. „Але бачъ, не розлучылы мене зъ тобою, мій коханый! бо я тебе, тилькы одного тебе щыро люблю". Тяжко стало на души въ розбійныка и винъ що сылы, неначе, кынувся на того парубка и всадывъ ёму въ серце свого ножа. Зареготала Оксана, а парубокъ звалывся на землю и не своимъ

голосомъ проговорывъ: „Суды жъ тебе, Боже!“ Розбійныкъ сновъ хотивъ кынутысь на нёго, але замись парубка побачывъ винъ передъ собою того чоловика—Ивана, що винъ недавно заризавъ ёго. Одскочывъ розбійныкъ видо нёго, але показалысь ще якись тры тини и кинулысь на нёго. Розбійныкъ хотивъ утикаты, але ногы ёго неначе скамянилы, неначе прыросльі до земли. „Суды жъ тебе, Боже!“ крычалы тини.

Прокынувся розбійныкъ; серце его здорово былося, неначе збиралося вырватысь изъ тила; губы ёго тряслыся; на лоби выступывъ холодный питъ, а очи якось страшно озыралыся навкругы, неначе когось шукалы; на души ёго такъ важко стало, неначе якый тяжкый камень упавъ на неи. Скризь було темно. Розбійныкъ хотивъ було згадаты, де винъ бувъ и що зъ нымъ сталося, але думкы ёго не вязалыся и винъ не мигъ піякъ того прыгадаты. Колы ось мыгнула блыскавка и осьвитыла дорогу. Зхотывся розбійныкъ и подався въ лисъ до того мисця, де винъ завсиды переховувався видъ людей.

Въ тому лиси бувъ глыбокый, велыкый яръ, я въ тому яру росла высока та густа сосна. Пидъ сосною було накладено и со-

ломы, и сухого дубового лысту, и всякои старои одежи — и чоловичои и жиночои, и жыдивськои и попивськои: то була постиль розбійныкова. Трохы дали росло ще килькы сосонъ; пидъ нымы тежъ було понакыдано усякого гнылого дрантя та гнылои соломы: тамъ колысь тежъ спалы розбійныкы, але трохы не рикъ мынувъ, якъ тыхъ розбійныкивъ не стало: попереловлювалы ихъ въ лиси, въ другому яру и спровадылы далеко, кудысь на пивъ-ничъ, попереду надившы имъ на рукы та на нагы зализни кайданы; и тилькы зистався ихъ отаманъ - хазяинъ надъ усима дорогамы, що повылыся помижъ соснамы.

Бигъ туды розбійныкъ и хочъ дуже темно було, але якась невыдыма сыла показувала ёму дорогу до глыбокого яру. Бигъ винъ туды, затулывшы свои вуха. Винъ чувъ, що надъ ёго головою гуркотивъ гримъ, а ёму здавалося, що то чыйсь голосъ надъ нымъ говорывъ: „Суды жъ тебе, Боже!“ Колы ось якъ грякнувъ гримъ, и розбійныкови здалося, що земля передъ нымъ розступылася, и винъ упавъ навколишкы.

— Господы! — крыкнувъ винъ: — це Ты мабуть прыйшовъ мене караты... Просты мини...

И згадавъ винъ батькови слова: „Смерть гришныкивъ люта.

— Чы вже жъ оце прыйшла моя смерть?— подумавъ розбійныкъ и, зхлопывшысь, побигъ дали.

Не разъ от-такъ розбійныкъ падавъ навколишкы, не разъ молывся Богу, покы добигъ до мисця. Прыбигъ пидъ сосну, впавъ навколишкы и простягнувъ угору рукы.

— Господы! просты мини... Суды мене, та не карай мене тилькы смертю. Я жъ ще жыты хочу... забуду свое перше життя велыкого гришныка и буду жыты селяныномъ, — плачучы промовывъ винъ.

Мыгнула блыскавка и неначе огнева стрила пролетила биля розбійныка; за нею грякнувъ гримъ и неначе ажъ прыглу- шывъ ёго.

— Батьку, батьку! чы вже жъ оце справджуються твой слова!.. Ой, батьку! матинко...—крыкнувъ винъ и простягся ныць на земли.

Недовго отакъ лежавъ розбійныкъ. ыму здалося, що чыйсь, неначе батькивъ голосъ промовывъ: „Суды же тебе, Боже!“

Зхопывся розбійныкъ.

— Хто це? хто це говорыть?.. Батько?.. Де ты, батьку?.. Ты зъ того сьвита прый-

шовъ подывытысь на мукы свого сына... Ой, мукы, мукы... страшни мукы... Де мій нижъ?.. Мини дуже страшно... Серце розрываеться... Не хочу я жыты... краще вмерты... Де мои мои ножи?.. убью себе, — крычавъ винъ и кынувся шукаты свои торбы.

— Нема, нема; мабуть, якъ бигъ погубывъ, — крыкнувъ винъ и залився дрибнымы слизмы, якъ тая дытына.

Грякнувъ ще гримъ, але розбійныкъ уже не схоплювався: седивъ та трясся, якъ той Каинъ. Ёму здавалося, що чотыри людськи тини прыбиглы до нёго и попростягалы надъ нымъ свои рукы, неначе хотилы ёго розирваты. На бокахъ удвохъ изъ ныхъ була запечена кровъ, а въ одного було перериzane горло, и зъ того горла текла кровъ; а ось показалася ще й четверта тинь, зъ неи текла вода и падалы дрибни кускы лёду. „Суды жъ тебе, Боже!“ неначе крыкнулы тини.

Зхопывся розбійныкъ и прыпавъ грудьмы до сосны. Мыгнула блыскавка; розбійныкови здалося, що огнева стрила спустылась по сосни и увійшла въ нёго. Грякнувъ ще гримъ; застугонила земля, затрищала сосна и розбійныкъ звалывся на свою постиль; и почувъ винъ, що на ёго ногы впало щось дуже, ду-

же тяжке. Впавъ розбійникъ и неначе замеръ; але недовго отакъ винъ пролежавъ,— щось почало ёму у голову прыпикаты. Одкрывъ винъ свои очи; передъ нымъ стоявъ стовпъ дыму и побачывъ розбійникъ, що постиль ёго зайнялася—горыть и огонь почынае вже лызаты ёго тило. Винъ хотивъ утикаты, рвонувся, але на перебытыхъ ёго ногахъ лежала мало не половына сосны.

— Батьку! батьку! ты вправду мини колысь казавъ, та я тоди не слухався тебе... стевъ злодіемъ а потимъ розбійникомъ... чотыри души звивъ на той сьвитъ и теперь мене Господь карае лютою схертю, смертю тяжкого гнишныка... Просты жъ мини; мій Боже! — крыкнувъ винъ, задушуючысь видъ дыму.

— Ой, тяжко... тяжко... — крычавъ розбійникъ.

Тутъ щось почало биля ёго серця дуже прыпикаты, неначе щось на ему тлило, або горило, и розбійникови здалося що надъ нымъ стоить якыйсь чоловикъ зъ пробытою ножемъ диркою проты серця, звидкиль показувалася запечена кровъ. Розбійникъ пизнавъ того чоловика и одвернувъ видъ ёго свои очи, але чоловикъ такы стоявъ передъ ёго очыма.

— Одйды, одійды видъ мене! я знаю, що мене Богъ осудывъ на страшну смерть... Чого жъ ще ты прыйшовъ мучыты мене? Не мучъ, не мучъ мене.

Але чоловикъ не видходывъ видъ нёго: винъ дывывся въ вичи розбійныкови, а кускы запеченои крови, здавалось розбійныкови; падалы на ёго груды проты серця тяжкымъ каменемъ и давылы его.

— Ой пече жъ мене, пече отутъ биля серця, — крыкнувъ ще разъ розбійныкъ, хапаючысь рукамы за свои груды проты серця. Винъ ще щось хотивъ казаты, та языкъ уже не слухався ёго и тилькы щось белькотавъ: гришна душа ёго покыдала уже свое тило; а огонь лызавъ розбійныка, ажъ покы зовсимъ не спалывъ тила.

Наставъ ранокъ. По лиси ходыло килькы людей зъ косамы та зъ дрючкамы; — а одынъ и рушныцю десь доставъ: шукалы воны розбійныкивъ, щобъ ихъ половыты та покараты. Замись ихъ знайшлы воны въ яру тилькы обгориле тило и догадалюся, чые-то воно було.

Кинецъ.

ПОДРЯДЧИКЪ ВСѢХЪ ВИДОВЪ ГОРОДСКИХЪ МОСТОВЫХЪ

МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА

М. О. Вольфъ.

Въ Москвѣ: 1) у Пассажа второй, домъ Титова.
2) на Никольской у тр. Фроловъ-Васильевъ
3) на углу Петровскаго бульвара и Кузнецкаго
Моста, к. Шлейнъ.
Въ С.-Петербургѣ: Полицейскій мостъ, № 3.
Въ Нижнемъ Новгородѣ, Театральная площадь.
Въ Варшавѣ: Краковское предмѣстье, д. № 1.
Въ Екатеринбургѣ, Царевскій проспектъ, домъ Поповскаго
Въ Одессѣ, уголъ Прохоровской и Ришельевской ул.,
д. Гаврова, № 33.
Въ Воронежѣ, Мѣщанская улица.
Въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Ярмаркѣ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА

И. Д. Сытина.

Въ Москвѣ: 1) у Ильинскихъ воротъ, домъ Титова.
2) на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова.
3) на углу Неглинnаго проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной.

Въ С.-Петербургѣ: Большая Садовая, № 25.

Въ Кіевѣ: Подолъ, Гостиный дворъ.

Въ Варшавѣ: Краковское предмѣстье, д. № 1.

Въ Екатеринбургѣ, Покровскій проспектъ, домъ Поповичевой.

Въ Одессѣ, уголъ Преображенской и Еврейской ул., д. Лѣтника, № 53.

Въ Воронежѣ, Московская улица.

Въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе.

